

ЯРОСЛАВ РЯЗАНЦЕВ

*Курсивом
набранный мир*

Ярослав Рязанцев

Курсивом набранный мир

<https://litres.ru/74042071>

SelfPub; 2026

Аннотация

Тишина книжного магазина стала убежищем для подростка, который привык быть невидимкой: травля в школе, вечно пьяный отец, уставшая мать. Но старый продавец не просто выдал ему томик Льва Толстого, он открыл дверь в мир, где на все «почему» есть ответы. Достоевский, Есенин, Хемингуэй, Брэдбери, Стругацкие Герои книг становятся ближе, чем живые люди. В эпоху бездумных смартфонов и коротких уведомлений только бумажная страница умеет неторопливо говорить с душой шепотом, теплом, тишиной между строк. А сам парень вдруг обнаруживает, что умеет не только читать чужие истории, но и создавать свою: находить друзей, влюблять в себя, спорить, верить и вести за собой. Эта книга о том, как литература возвращает человека самому себе.

Содержание

Глава 1. Серый шум.

4

Конец ознакомительного фрагмента.

67

Курсивом набранный мир

Глава 1. Серый шум.

Проснувшись, я сразу же почувствовал, как тело отзывается тупой ломотой, будто всю ночь таскал мешки с цементом по лестничным пролётам.

В ушах стоит не тишина, а её жуткая версия — вакуум, в котором плывут звуки из гостиной. Отец опять заснул там. Сейчас начнётся.

Сначала затяжное молчание, потом всхлип, короткий и резкий, будто человек во сне ударился лбом о стену. За ним следует бульканье, kloкотание в горле, и под конец этот свист, тонкий, натянутый, будто рвётся струна.

Он задыхается каждый раз, когда засыпает. Я лежу, слушаю и гадаю: этот свист — вдох или выдох? И что будет, если он однажды оборвётся на самом высоком тоне?

Знаю, что не усну. Нужно вставать. Хоть времени ещё полно, но это бесполезно. Сон теперь — не отдых, а поле боя, где я каждый раз проигрываю.

Комната в предрассветном свете кажется чужой. Вещи

стоят, ожидая, когда до них дотронутся: стул у окна, рюкзак у двери, гитара с недельной пылью на деке, и эта пыль уже стала частью инструмента, его законным налётом забвения. На подоконнике кактус — мамина попытка «оживить квартиру». Она купила его год назад, поливала три дня подряд, потом забыла. Теперь он стоит сухой, колючий, с двумя отвалившимися сегментами у основания. Я давно не включаю свет утром. Темнота — моё законное пространство. Единственное, что не требует от меня никакой мимики.

В прихожей воняет старым паркетом и чем-то ещё. Не одеколоном, а его злым, дешёвым духом, которым мать моет полы. Она пытается перебить перегар, и не выходит. Этот запах как надпись на стене, которую замазывают краской, но она проступает снова через трещины. На кухне мамино послание: полбуханки чёрного хлеба под клетчатой салфеткой, творог в пластиковой миске, пакет молока. Это ритуал: я должен был это съесть, чтобы доказать ей, что я жив. Чтобы вечером, встретив мой взгляд, она могла сказать себе: «Ну, хоть поел».

Я беру кусок хлеба. Он пахнет тоской. Оставляю в холодильнике творог — белый и безликий кусок. Молоко стоит там же нетронутым. Он, стоя у холодильника в одном подштаннике, допивает его по утрам — ледяным, прямо из пакета. Так я уже несколько лет называл отца — «он». Без име-

ни и без отчества. Просто местоимение, обозначающее предмет в комнате.

Иду мимо гостиной и не смотрю на него. Но краем глаза вижу: он лежит, раскинувшись. Лицо серое, обрюзгшее, с отчётливыми капиллярными звёздочками на щеках. Рука со свесившейся с дивана кистью, пальцы слегка подрагивают даже во сне. И главное — три пустые бутылки из-под пива. Стоят ровно, в одну линию, у ножки дивана как памятник самому себе. Он всегда так делает: не оставляет валяться, а аккуратно, с болезненной педантичностью ставит их в ряд. Этот парад бутылок бесит меня больше всего. В этом есть наглая, циничная пунктуальность пьяницы. Он может развалить всё вокруг, но бутылки поставит ровно.

«Я могу тебя ненавидеть. Но я не свинья. Я знаю, куда ставить пустоту.» — говорит он этим строем зелёного стекла.

На стене над диваном висит фотография 10-летней давности в потускневшей рамке, где мы втроем у моря. Отец смеётся, держа меня на плечах. Мать прикрывает глаза от солнца ладонью. Я счастливый, с мороженым, которое уже течёт по руке. Теперь смех — это самый чужой звук в квартире. Я не снимаю фотографию, я просто перестал на неё смотреть.

Выхожу из квартиры. Щелчок замка — крошечный звук, а в тишине подъезда он грохочет как выстрел, эхом отдаваясь

в пустом желудке.

Лестничная клетка пахнет кошками и сыростью. Здесь я впервые за день делаю полный вдох — воздух хоть какой-то свой, не пропитанный чужим дыханием. На первом этаже соседка тётка Люда тащит сумки с базара. Я придерживаю дверь. Она благодарит, и в её глазах мелькает вопрос: «А ты чей?» Я не обижен, привык. Для многих я просто мальчик с третьего этажа.

На улице февраль кусает лицо. И это хорошо. Это настоящая честная боль. Она не притворяется ничем другим. Я иду без шапки. Терпеть не могу это чувство, когда шерсть давит на лоб, и тепло становится липким и обязательным как материнская забота. Пусть лучше щиплет уши до красноты, пусть ветер проникает под воротник пальто и гуляет по спине ледяными пальцами. Я худой — не доходящий, просто кости и мышцы, которым не хватает не столько пищи, сколько внутреннего топлива и желания занимать место. От этого я двигаюсь резко, угловато как марионетка с неотрегулированными нитями. Волосы чёрные. Я выкрасил их полгода назад в ванной, замотавшись в полотенце. Теперь отрастают светлые корни у висков. Я похож на помесь панка и воробья, бледного, ошипанного февральским ветром. Мне всё равно. Эта небрежность — мой протест, который никто не замечает.

Школа — отдельная вселенная, в которую тебя засасывает шлюзом из двух дверей. Я переступаю порог, и звуковая волна накрывает с головой. Вот что такое ад: вечный, несмолкаемый гул, в котором тонут отдельные голоса, превращаясь в кашу. Скрип кроссовок по линолеуму. Визг мела, который кто-то не так взял, и этот звук впивается в зубы. Грохот десятков железных шкафчиков, захлопывающихся одновременно. Вой музыки из наушников. Смех. Крики. Сотни голосов, сливающихся в одно сплошное «аааа».

Я пытаюсь стать невидимкой. Способ простой: смотреть в пол, на разводы на линолеуме, на чьи-то обронённые бумажки, двигаться чуть быстрее потока, ни с кем не встречаться взглядом. Но сегодня не получается. Сегодня моё тело — антенна, ловящая любую волну и каждый взгляд, даже не направленный на меня. Кожа чувствует прикосновение чужих глаз на расстоянии.

Мой шкафчик — 327-й. Цифры стёрлись, и их приходится угадывать на ощупь. Я подхожу, кручу комбинацию. Замок щёлкает с тупым звуком. И уже чувствую спиной — он здесь. Давление меняется, когда он рядом. Воздух становится гуще, тяжелее, насыщеннее чужим присутствием. Как перед грозой, когда небо наливается свинцом.

Голос раздаётся прямо над моим ухом, слишком громко,

слишком близко, нарушая все неписанные правила расстояния.

— О, философ. Готов к новому дню познания? — Дима Потапов. Его тембр всегда звучит так, будто он пробует слова на вкус и находит их достаточно съедобными, чтобы выплюнуть в твою сторону.

Я, не оборачиваясь, тяну дверцу шкафчика. Пальцы скользят по холодному, покрытому мелкими царапинами металлу.

— Слышь, я с тобой говорю. — Его голос теряет игристые нотки и становится ровным, острым как лезвие. — Или опять с похмелья? Нет, погоди, это же у тебя батя с похмелья. Ты просто видом похож. Наследственность.

Кто-то рядом негромко смеётся, и этого достаточно. В груди у меня что-то сжимается, превращается в маленький, раскалённый добела шарик, который сейчас лопнет и выжжет всё изнутри. Я кладу учебник в рюкзак, стараясь, чтобы руки не дрожали и движения были плавными. Это высший пилотаж — притворяться человеком, когда внутри тебя уже разлита кислота.

— Отвали. — говорю я в пространство перед собой.

— О-о-ой, заговорил! Он живой.

Я слышу, как он переступает с ноги на ногу, шаркая подошвами. Чувствую его приближение. Он нарушает моё личное пространство ещё больше и облакачивается на соседний шкафчик, перекрывая мне путь своим телом. Он не просто крупный: он массивный, плотный, выращенный на хорошем питании, уверенный в своей мышечной массе. От него пахнет дорогим спортивным гелем с запахом морозной мяты и свежести, и этим запахом он словно метит территорию.

— Слышали? Малыш мне «отвали» говорит. Ну-ка, посмотрим на него.

Он хватает меня за плечо, чувствуя мою кость, и рывком с силой разворачивает к себе. Я теряю равновесие, спотыкаюсь, но не падаю. Он держит тяжелой и горячей даже через одежду рукой.

Лицо Димы — это лицо человека, знающего, что ему всё можно: широкое, скулистое, с короткой стрижкой соломенного цвета. Глаза светло-серые, почти прозрачные. В них нет злости, есть любопытство как у кошки, которая будет играть с мышкой перед тем, как убить.

— Ну и что? — говорю я, глядя ему куда-то в район кадыка, в точку, где бьётся пульс.

— Что «что»? Ты мне хамишь. Я с тобой по-хорошему. А ты «отвали». Невежливо.

Он отпускает моё плечо, но не отходит. Рядом с ним свита, два парня поменьше, его точные копии. Они стоят в двух шагах, наблюдая с одинаковыми пустыми улыбками.

— Ты вообще кто такой, чтобы мне хамить? Твой батя — алкаш. Мамка — тряпка, которая его покрывает. Ты ничто, производное от них. Ты даже драться не умеешь. Смотри.

Он толкает меня раскрытой ладонью прямо в центр груди. Толчок рассчитан на то, чтобы повалить меня.

От неожиданности и силы я отлетаю назад, ударяюсь спиной о шкафчики. Весь ряд грохочет металлическим эхом. Звон режет общий гул. Вокруг мгновенно всё стихает. Все оборачиваются и замирают. Шоу началось. Билеты не нужны, представление бесплатное.

Жар стыда заливает меня с головы до ног, поднимается от шеи к щекам. Я чувствую, что краснею, кожа становится горячей и предательски меня выдаёт. Ненавижу эту физиологию унижения.

— Видишь? — говорит Дима с фальшивым и сладкова-

тым сожалением. — Даже стоять нормально не можешь. Трясёшься весь. Дома, наверное, опять скандал был? Папка на тебя орал? Мать тебя утешала? «Сынок, не переживай, он не со зла»? — Он передразнивает плаксивым, заискивающим голосом. В его устах материнские слова звучат как высшая форма слабости.

Что-то со щелчком во мне ломается. То, что копилось месяцами. Пружина, которую сжимали слишком долго, выстреливает, снося все предохранители.

— А тебя кто просил лезть в мою семью?! — кричу я, и мой собственный голос звучит чужим, сорванным, разорванным в клочья. Он рождается где-то в животе и вырывается наружу, обжигая гортань. — Твоё дело — тупым быком ходить и давить всех, кто слабее! Ты сам-то хоть раз в жизни думал своей башкой? Или для этого мускулов не хватает?! Ты думаешь, если ты всех поставишь на колени, то сам станешь выше? Ты просто останешься на том же дерьмовом уровне, только вонять будешь сильнее!

Тишина становится абсолютной, звенящей. Даже Дима на секунду теряет дар речи. Его ледяные глаза расширяются от чистого изумления. Он привык к двум реакциям: страху и подчинению. Открытая, словесная контратака находится вне его понимания. Его лицо сначала белеет, будто кровь отхлы-

нула куда-то вглубь, а потом наливается густой и багровой кровью от шеи ко лбу.

— Ты... Ты сейчас что сказал? — его голос становится низким, сильным, опасным. Вся игра с публикой забыта. Теперь это личное.

Он делает стремительный шаг вперёд, хватая меня за ворот пальто, скручивая ткань в кулак, и с силой дергает вниз, пытаясь меня свалить. Я не успеваю сгруппироваться. Колено с глухим, болезненным хрустом бьётся об холодный пол. Острая и яркая боль пронзает ногу. Из кармана рюкзака вываливается пенал, щёлкает, раскрывается, и цветные ручки катятся по полу, разлетаясь в разные стороны. Я вижу их разноцветные стержни на грязном полу, вижу чужие ноги в кроссовках, которые даже не отодвигаются, слышу, как кто-то ахает. Где-то щёлкает телефон. Короткий звук камеры. Меня снимают. Этот момент, моё колено на полу, моё унижение теперь будут жить в чьей-то памяти телефона.

Тяжёлое как свинцовый плащ, брошенный на плечи, унижение покрывает меня с головы до ног, вдавливая в пол. Я не могу поднять голову, смотрю на свои руки, упёртые в линолеум. Руки, которые ничего не могут.

Надо мной нависает его тень, перекрывающая свет ламп.

Я чувствую его дыхание.

И тут раздается резкий, пронзительный свисток. Звук, от которого закладывает уши и сжимается сердце.

— ПОТАПОВ! КАКОЙ УЖАС! Немедленно отойди!

У завуча Марии Игнатъевны металлический голос, прорезающий любую толпу. Она не идёт, она надвигается, рассекая людей как бульдозер. Невысокая, плотная женщина лет 50-ти в строгом синем костюме, который сидит на ней как панцирь. У неё глубоко, насквозь, до костей уставшее лицо от таких, как мы, от драк в коридорах, от слёз в кабинете, от вранья в глаза. На её лице, в складках у рта, в морщинах между бровей, написано одно слово: «Опять». И самое противное: в её взгляде, скользнувшем по мне, я читаю не защиту, не сочувствие, а тяжёлое, гнетущее разочарование. «И ты тоже, Максим. И ты ввязался. Я думала, ты умнее».

Дима отпускает меня. Мгновенно меняются его осанка и выражение лица. Из хищника он превращается в образцового школьника. Отступает на шаг, поднимает руки «я не виноват».

— Мария Игнатъевна, он первый начал! Оскорблял, унижал! — Его голос снова становится гладким и честным. Он

уже придумал историю и поверил в неё.

— Молчать! — Она режет воздух отточенным жестом руки. — Я всё видела! Оба ко мне! Немедленно!

Я поднимаюсь с колена. Оно ноет, боль пульсирует с каждым ударом сердца. Я не смотрю на Диму, но знаю, что он смотрит на меня. И в его взгляде читается холодное, железное обещание. Это не конец, это только начало войны. «Ты поднял голову, и теперь ты враг».

Я смотрю на Марию Игнатьевну, на её усталое, раздражённое лицо, на губы, сложенные в тонкую ниточку, и понимаю: я не пойду. Не буду сидеть в её кабинете с дубовыми панелями и портретом президента, слушать, как она говорит правильные, мёртвые слова из методички. «Максим, ты же умный мальчик. Ты должен понимать. Не провоцируй. Найди мирный путь». Как будто мирный путь существует, когда тебя уже поставили на колени, а вокруг стоит круг зрителей с камерами.

Мой мирный путь начинается здесь и сейчас.

Я резко разворачиваюсь спиной к ней, к Диме, к этому коридору, к этим шкафчикам и иду к главному выходу.

— Максим! Стой! Ты куда?! — Её голос становится выше. Её не слушаются, и это выходит за рамки сценария.

Я, не останавливаясь, иду той же угловатой походкой. Прохожу мимо дяди Серёжи — охранника у дверей, который смотрит на меня поверх газеты с немым вопросом в глазах. Он мог бы остановить, но не делает этого. Выталкиваю тяжёлую дверь плечом, вкладываю в этот толчок всю накопившуюся злость.

Я оказываюсь на улице. Холодный февральский воздух, пахнувший выхлопами и снежной сыростью, обжигает лёгкие, промывает их. Я делаю глубокий, судорожный вдох и иду. Просто иду. Куда угодно. Лишь бы подальше от этого места, где я «ничто», где я проблема, которую нужно решать разговорами.

Я иду, и ветер выдувает из меня жар стыда, из головы — эхо крика, свистка, смеха. Шаг за шагом. Прочь.

Глава 2. Закрытая дверь.

Пальто нараспашку. Февральский ветер бьёт в грудь.

Каждый шаг отзывается в колене тупым, настырным звоном. Я цепляюсь за эту боль. Она настоящая. Остальное — шум в голове, от которого хочется зажать уши.

Дима. Как у него хватает воздуха на такое количество слов? Как можно тратить энергию на то, чтобы давить других? Он пустой, и эту пустоту он заполняет чужим унижением. Система замкнута: он берёт то, чего у него нет, у тех, у кого и так мало. И никто его не останавливает, потому что он крупный, потому что его отец работает в администрации, потому что мир устроен так: сильный давит слабого, а слабый молчит, чтобы не стало хуже.

А завуч... Мария Игнатьевна. Её лицо — карта усталости: морщины у рта, провалы под глазами, сжатые губы. Она видела тысячи таких сцен. И каждый раз делала одно и то же: свисток, окрик, кабинет, нотация. Машина по переработке подросткового гнева в мёртвые слова. Я представил, как она вечером приходит домой, снимает этот синий костюм и смотрит на своё отражение. Что она там видит? Женщину, которая пытается спасти детей? Или уставшую тётку, которая уже не верит ни в диалоги, ни в примирения? От этой мысли стало не по себе. Лучше быть тем, кого вызывают в кабинет, чем тем, кто вызывает.

В кармане завибрировал телефон. Замедлив шаг, я вытащил его: старый, кнопочный, потёртый по краям, с царапиной на экране от падения осенью. Раньше мне было неловко его доставать рядом с одноклассниками. Теперь я ловил

в тёмном экране своё бледное, с тёмными кругами под глазами отражение и чувствовал облегчение. Этот телефон не требовал от меня ничего, не вибрировал с уведомлениями каждые пять минут, не следил за мной. Он был просто предметом, инструментом, а не продолжением личности.

Сообщение от Кати.

«Ого, я в сети видела, что у вас с Димой разборка была. Жёстко. Надо было снять на видео! Жаль, меня там не было».

Я прочитал дважды. Сначала не поверил, но потом понял: ей было всё равно, как я. Ей было важен только контент. Её жизнь состояла из сторис: завтрак, дорога в школу, обед в столовой, вечерний сериал. Каждый момент превращался в пост, каждая эмоция — в хештег. Она не жила, она транслировала. И мой позор мог стать для неё материалом. Просто она давно перестала замечать грань между реальностью и лентой. Для неё они срослись в единое целое.

Я, не ответив, сунул телефон обратно. Пусть молчит. Пусть будет просто куском пластика в кармане.

Впереди вырос торговый центр «Мегаполис» — стеклянная коробка, отражающая серое небо. Двери раздвинулись с

шипением, выпустив волну тёплого воздуха. Ваниль из пекарни, горький кофе, сладкий парфюм витрин, химический «свежий луг» из вентиляции. Запахи накладывались друг на друга. Здесь воздухом не дышали, его глотали.

Внутри гул. Не хаос школы, а упорядоченный, ритмичный шум. Фоновая музыка из динамиков — это пианино без мелодии, только аккорды. Жужжание ламп. Писк сканеров на кассах. Шлёпанье шагов по плитке. Люди двигались потоками: к эскалаторам, к кинотеатру, к бутикам. Все с пакетами и с телефонами в руках. Все с одинаковыми лицами — уставшими, но довольными. Они покупали, а значит, были нужны этому миру. Их существование подтверждалось чеками.

Я шёл среди них. Мой рюкзак, моё пальто, моё лицо — всё сливалось в общую массу. Никто не оборачивался и не смотрел. Я был прозрачным. И это было лучше, чем в школе, где на меня смотрели с жалостью или любопытством.

Первым делом в туалет: нужно привести себя в порядок. Нельзя выглядеть так, будто только что тебя поставили на колени перед всем классом.

Мужская комната: белый кафель, яркий свет, запах хлорки с привкусом «морского бриза». Я подошёл к зеркалу. Бледное лицо. Тёмные волосы с отросшими светлыми корня-

ми — чёрная краска выцвела, оставив полосы у висков. Глаза мутные с красными прожилками. Я включил воду. Тёплая, безжизненная струя. Намочил ладони, провёл по щекам и лбу. Вода не смыла усталость, но сбила жар со лба. Вытер лицо рукавом, поправил воротник, смахнул пыль с колена, там остался след от удара об пол. Теперь я выглядел как обычный парень, а не как жертва. Просто парень, который гуляет в торговом центре в будний день.

Выйдя из туалета, я двинулся по привычному маршруту. Эскалатор на второй этаж. Ступени поднимали меня плавно и без толчков. Сверху галерея казалась другой: люди превратились в пятна, звуки слились в одно низкое гудение. Я смотрел вниз и думал: если сейчас шагнуть через перила, никто не заметит сразу. Сначала подумают, что упал пакет. Потом, что кто-то уронил телефон. Только через секунду раздастся крик, а я уже буду внизу. Не из жалости к себе. Просто мысль пришла — чистая и без эмоций как расчёт в физике.

Но я не шагнул, потому что ноги держали, потому что в кармане лежали 300 рублей, потому что где-то впереди ждала кофейня.

«Марко» — маленькая будка между салоном связи и парикмахерской. Раньше здесь была закусочная. Теперь кофе. Всё менялось, кроме одного: здесь всегда пахло зернами и

МОЛОКОМ.

Я приходил сюда каждую неделю. Не ради кофе. Кофе был поводом. Настоящая причина — она. Бариста с рыжими волосами, собранными в небрежный пучок, и татуировкой совы на запястье. Тонкие линии, огромные глаза у птицы. Она никогда не спрашивала «Что будете?». Встречала мой короткий взгляд и говорила хрипловатым голосом: «Как обычно?» Я кивал. И в этот момент я переставал быть сыном пьяницы, переставал быть тем, кого унижают в школе. Я становился «обычным парнем», постоянным клиентом. Её улыбка при передаче стакана была профессиональной, но для меня — спасением. Кто-то видел и замечал меня. И этого хватало на несколько дней.

Я, подойдя к углу галереи, остановился.

Роллета. Металлическая, серая, опущенная до пола. На ней лист А4 на скотче, распечатанный на старом принтере, с полосами от засохшего картриджа:

«ЗАКРЫТО НА РЕМОНТ. Откроемся скоро!»

Слово «скоро» висело в воздухе. Без срока и даты. Просто «скоро».

Я смотрел на эту стену металла, на мёртвую вывеску с кофейным зёрнышком над ней, на заклеенное окошко, за которым раньше мелькала её рука, наливающая молоко в чашку.

Внутри ничего не произошло. Ни гнева, ни слёз, просто пустота. Та самая пустота, с которой я проснулся, теперь заполнила всё: желудок, грудь, горло. Я стоял, не чувствовал ног, не слышал гула торгового центра. Перед глазами плыли серые пятна как сегодняшнее небо.

Это было подтверждение. Мир говорил: «Ты один. И твои маленькие ритуалы — ничто. Их можно убрать одним днём, и никто не спросит, что ты будешь делать без них».

Я отступил на шаг, потом ещё на один и обернулся.

Галерея кипела жизнью: люди смеялись у фонтана, дети бегали с шариками, пары выбирали кольца в ювелирном. Всё было так, как должно быть. Только я не входил в это «так». Я, стоя по ту сторону, смотрел, но не участвовал, не мог, потому что все дороги вели в тупик.

Домой — к пьяному храпу и молчанию матери.

В школу — к Диме и его обещающему взгляду.

К Кате — к её экрану и пустым вопросам.

К друзьям — у меня их не было. Кирилл отдалился ещё

в седьмом классе, когда я отказался воровать сигареты из ларька.

Некуда.

Я стоял посреди галереи, и толпа обтекала меня как река обтекает камень. Никто не спрашивал, почему я здесь в будний день с рюкзаком за спиной. Никто не видел, что внутри меня что-то сломалось окончательно.

И тут взгляд зацепился за свет напротив, на втором этаже, за стеклянной перегородкой. Это были не неоновая вывеска и не мигающие лампы. Просто окно, а за ним тёплый, жёлтый свет. Не белый, как везде здесь, а именно жёлтый как от настольной лампы. И за стеклом высокие, до потолка полки с новыми, глянцевыми книгами.

Между полками столики. На одном стояла чашка, поднимающая пар. На другом — открытая тетрадь с ручкой рядом.

Вывеска из тёмного дерева, без позолоты, без кричащих букв: «Книги».

И ниже, мелким шрифтом: «Книги. Кофе. Тишина».

Последнее слово ударило в грудь. Тишина. После школьного гула, после храпа отца, после голоса Димы, после ва-

нильно-химического воздуха торгового центра тишина. Не как отсутствие звука, а как пространство, место, где можно не притворяться.

Я никогда не замечал этот магазин. Он не кричал, не манил скидками, не обещал счастья. Он просто был. А я был слеп — смотрел только туда, где светило ярче всего.

Теперь я смотрел на этот тихий свет, и во мне что-то щёлкнуло. Не надежда, я слишком устал от этого. Просто последнее решение: идти туда или остаться здесь, на этой плитке, и ждать, пока мир сам решит, что с тобой делать.

Я двинулся к лестнице, поднялся на второй этаж, подошёл к двери.

Тёмное дерево. Латунная ручка в виде свитка. На стекле наклейка: «Пожалуйста, тихо».

Ладонь легла на ручку. Сердце билось ровно не от страха, не от волнения, а от усталости. Последняя мысль перед тем, как открыть: «Только бы не было фоновой музыки».

Я нажал на ручку. Дверь подалась с лёгким скрипом, и я переступил порог.

Первое — тишина. Живая. Её наполняли звуки: шипение кофемашины, скрип половицы под чьими-то шагами, шелест страницы, перелистываемой где-то в глубине зала. Шш-шурх. Звук, похожий на дыхание.

Второе — запах. Бумага, пыль между корешками, деревянные полки, клей переплёта. И поверх всего — кофе: настоящий, горький, без сиропов и ванили. Запах утра.

Я сделал шаг, потом второй. Дверь закрылась за спиной, отрезав гул торгового центра.

Воздух здесь был другим. Без лжи.

Я остановился посреди зала и огляделся. Полки. Книги. Столики. Человек за прилавком — седой, в очках на кончике носа, с книгой в руках. Он поднял глаза и посмотрел на меня. Не с любопытством. Просто посмотрел так, как смотрят на вошедшего.

И я впервые за этот день сделал полный и глубокий вдох.

Воздух вошёл в меня, и что-то внутри оттаяло. Не много, но достаточно, чтобы остаться.

Глава 3. Знакомство.

Дверь закрылась за моей спиной, отрезая гул торгового центра. Я стоял на пороге и не мог сделать шаг. Тишина обволакивала, запах книг и кофе заполнял лёгкие. Здесь было хорошо. Слишком хорошо. Как будто я попал не в магазин, а в другое измерение.

Но кофе. Сначала кофе.

Мужчина за стойкой стоял ко мне спиной. Я подошёл ближе.

— Здравствуйте. — хрипло сказал я, и мне пришлось откашляться.

Мужчина обернулся. На вид ему было около шестидесяти, седые волосы, внимательные глаза за очками в тонкой оправе. Одет просто, но с какой-то неуловимой аккуратностью. Он посмотрел на меня, и я почувствовал, что он видит больше, чем я готов показать.

— Здравствуй. — ответил он тихо, спокойно, без суеты.
— Что-то ищешь?

— Кофе. — сказал я. — Можно сделать покрепче? Очень хочется крепкого.

Он кивнул, не задавая лишних вопросов. Отвернулся к кофемашине, и через минуту передо мной стояла чашка. Чёрный кофе, без сахара, без молока. Такой, как надо.

— Я Максим. — сказал я, протягивая руку. И сам удивился: обычно я не знакомлюсь первым.

— Игорь Семёнович. — он пожал мою руку. Рукопожатие было твёрдым, но не давящим. — Ты у нас впервые?

— Да. Даже не знал, что здесь есть магазин. Сколько раз мимо ходил и не замечал. А сейчас зашёл и... не могу уйти. Здесь как-то... — я замолчал, подбирая слово.

— Уютно? — подсказал Игорь Семёнович.

— Да, очень. Как будто не в магазине, а... дома. Только дома у меня такого нет.

Он внимательно посмотрел на меня. Не сканирующим взглядом, как смотрят те, кто хочет что-то понять и использовать, а другим, понимающим.

— Вижу, день не задался. — сказал он просто. Это был не вопрос, а констатация, как будто он объявил погоду.

Я хотел возразить, сказать, что всё нормально, но язык не повернулся. Вместо этого я просто кивнул.

— Молодец, что зашёл. — добавил Игорь Семёнович. — Это решение может сыграть хорошую роль в твоей жизни. Если, конечно, не отнесёшься к нему легкомысленно.

Я не понял, что он имел в виду, но спрашивать не стал. Взял чашку, отошёл к столику в углу, сел. Кофе обжигал губы, но это было приятно. Настоящее чувство.

Я сидел и смотрел в одну точку. Мысли сами собой вернулись к утру: к школьному коридору, к Диме, к тому, как я стоял на коленях, а вокруг смеялись, к ручкам, рассыпанным по грязному полу, к телефону, который кто-то поднял, чтобы снять.

Стыд снова поднялся тёплой волной, но я отогнал его. Не здесь. Не сейчас.

Потом мысли переключились на будущее, на то, что будет через год, когда школа закончится. Что делать? Куда идти? Кем становиться? Родители не помогали — отцу было всё равно, мать только вздыхала и говорила: «Разберёшься». Школа учила решать уравнения и писать сочинения, но не

отвечала на главный вопрос: зачем всё это?

Я представил свою жизнь через пять лет. Серая как сегодняшнее утро: работа, которая не нравится, люди, с которыми не о чем говорить, вечера перед телевизором как у отца, или бесконечный скроллинг ленты как у Кати. И от этой картинки стало так тошно, что захотелось завывать.

— В этом магазине не принято сидеть без книги. — раздалось над ухом.

Я поднял голову. Игорь Семёнович стоял рядом, протягивая мне книгу.

— Вот. Держи.

Я взял. Толстый, потрёпанный том. Лев Толстой. «Путь жизни». Название показалось странным. Слишком прямым, слишком... взрослым, что ли.

— О чём это? — спросил я.

— О тебе. — ответил Игорь Семёнович. — И о том, как быть человеком. Открой любую страницу.

Я наугад открыл книгу. Глаза пробежали по строкам.

— «Для того, чтобы человеку хорошо прожить свою жизнь, ему надо знать, что он должен и чего не должен делать» — прочитал я вслух.

— И что скажешь? — спросил Игорь Семёнович.

— Не знаю. Вроде просто, но я не понимаю, как это применить.

— Никто не понимает сразу. — Он сел напротив. — Но ты начинаешь думать, а это главное.

Он поставил на стол вторую чашку кофе — себе. Мы молчали, но молчание не было тяжёлым. Оно было наполненным.

— Спасибо. — сказал я, вертя книгу в руках. Обложка потрёпанная, страницы пожелтели: книгу явно читали много раз.

— Не за что. — ответил Игорь Семёнович. — Ты, я вижу, о будущем задумался?

Я удивился. Неужели так заметно?

— Да. Не знаю, что делать после школы, куда идти. Родители не помогают. Школа не помогает. А я... Я не хочу как все.

— Как все — это как?

— Ну... — я замялся. — Закончить школу, поступить куда-нибудь, работать, жениться, родить детей, умереть. Как по шаблону. Все вокруг этого хотят: успеха, денег, квартиры, машины. И меня это бесит, потому что все хотят одного и того же. Как стадо.

Игорь Семёнович слушал, не перебивая. Когда я закончил, он сказал:

— В твоей правоте живёт твоя же ошибка.

— Что это значит?

— Стадное чувство — это страшно. Оно лишает человека себя. Но то, что ты не хочешь как все — это хорошо. Это значит, что ты ищешь свой путь, и это первый шаг.

Я молчал, ожидая продолжения.

— Скажи, Максим, ты много читаешь?

— Не очень. В школе заставляют, но это неинтересно. Толстой, Достоевский... Скучно.

— А сам? Для себя?

Я задумался. Вспомнил, как в детстве мать читала мне сказки. Я и сам брал книги в библиотеке, но потом перестал. Когда это случилось? Лет в 12, наверное, когда появились другие интересы, друзья, гулянки.

— Раньше читал, потом перестал.

— Знаешь, в чём главная проблема современного мира? — спросил Игорь Семёнович. — Люди перестали читать. Гаджеты, социальные сети, потребительская жизнь — всё это затягивает как гипноз. Человек думает, что живёт, а на самом деле просто потребляет: картинки, новости, чужие мнения. И сам постепенно становится чужим для себя.

Я слушал и чувствовал, как каждое слово отзывается где-то внутри в неизвестной точке, которая уже очень давно болела.

— Только единицы вырываются из этого гипноза. — продолжал Игорь Семёнович. — Те, кто начинает читать. По-

настоящему. Не по диагонали, не потому, что надо. А потому, что хочется понять.

— И что дают книги? — спросил я.

— Всё. — просто ответил он. — Посмотри вокруг.

Я оглянулся: полки, тысячи корешков, тысячи имён.

— Когда заходишь в магазин или библиотеку, ты погружаешься в истории, в поэзию, в мысли, которые собирали веками. Ты чувствуешь величие этого места? Чувствуешь отношение к людям, которые стоят на этих полках?

Я прислушался к себе. Да, что-то такое было. Это невозможно объяснить словами, но оно ощущалось.

— У тебя есть друзья? — спросил вдруг Игорь Семёнович.

— Не особо.

— Родственники, с которыми можно поговорить?

Я покачал головой.

— Так вот, Максим. Если у человека нет друзей или близких, он всегда может найти собеседника среди книг. И это будет лучший собеседник на какое-то время. Честный, мудрый и верный.

Он сделал паузу, предоставив мне время для осмысления.

— Книги могут научить тебя общаться с людьми, понимать их и находить подход. Это не так уж сложно, просто нужно читать и думать.

— А если я не хочу ни с кем общаться? — спросил я.

— Тогда книги полностью заменят тебе людей. Без стресса, без необходимости искать замену тем, кто ушёл, или кого не было. Зашёл в магазин, выбрал близкого по духу автора и читай. И ты никогда не будешь одинок. Это факт.

Я смотрел на него и чувствовал, как внутри что-то меняется. Как будто открывается дверь, которую я раньше не замечал.

— В детстве нужно читать определённые книги. — продолжал Игорь Семёнович. — Чтобы не упустить главные уроки жизни. Если бы дети с малых лет читали с интересом, мир был бы другим. Но многие родители не могут привить

эту культуру, потому что сами не читали со школы.

— Мои родители не читают. — сказал я. — Отец вообще... Он всё время лежит. Мать работает и спит.

Игорь Семёнович молча кивнул. И я вдруг понял, что мне не нужно ничего объяснять. Он и так понимает.

— Нежелание читать — это часто отсутствие веры в книги. — сказал он. — У многих после школы остаётся горький опыт. Их заставляли, а они не хотели. Кроме того, они видят родителей, которые хорошо учились, но жизнь у них не сложилась. И возникает вопрос: зачем всё это?

— Да. — кивнул я. — Именно.

— Но дело в том, что школьная программа — это не всё. Это база, иногда устаревшая, иногда неактуальная. Мир меняется быстрее, чем образование. Чтобы изменить школу, нужны годы. А чтобы изменить себя, нужно всего лишь захотеть.

Он сделал глоток кофе.

— Я сам жалею, что в школе многое не прочитал. Сейчас приходится догонять, потому что интересно. Понимаешь

разницу?

— Понимаю.

— В школе заставляют. А большинству не нравится, когда из-под палки. Но сейчас у тебя есть свободный выбор. Ты сам себе учитель. Хочешь — читай современную литературу. Хочешь — классику. Хочешь — фантастику. Что душе угодно. Хочешь — профессию через книги осваивай. Это всё доступно. Бери и делай.

Я молчал, обдумывая услышанное.

— Книги раскрывают потенциал человека. — сказал Игорь Семёнович. — Они меняют судьбу и меняют мышление. Человек, который читает, становится личностью. Он перестаёт быть винтиком в чужом механизме. Он становится образованным, грамотным, независимым от чужого мнения и создаёт себя сам.

— И никогда не будет одинок. — добавил я.

— Да. Главное — научиться выбирать книги под настроение, интересы, потребности. И тогда ты всегда будешь знать место, где тебя ждут, и будешь идти туда с удовольствием.

Мы сидели и долго разговаривали. Я не замечал времени. Игорь Семёнович рассказывал о книгах, которые изменили миллионы судеб, о том, что можно учиться на чужих ошибках: писатели уже изложили все свои взлеты и падения, победы и поражения в произведениях. Он говорил о том, что это может помочь не только отдельным людям, но и целым народам.

Я слушал и чувствовал, как внутри разворачивается что-то большое. Как будто до этого я жил в тесной коробке, а теперь её стенки раздвинулись, и я увидел бесконечное пространство.

— Мне пора.— сказал я, поняв, что за окном уже темнеет.
— Спасибо вам. За кофе. За разговор. За книгу.

— Домой не торопись. Посиди здесь, почитай. Время есть.

Я хотел возразить, что надо идти, но передумал. Дома действительно ничего хорошего не ждало. Отец, скорее всего, уже на диване. Мать на кухне. Телевизор в фоновом режиме. Серая тоска.

Я открыл книгу.

«Путь жизни» отличалась от обычных книг. Не роман, не

повесть. Сборник мыслей. Коротких, рубленых как удары. Листая, я читал строки в хаотичном порядке.

«Чем больше человек доволен собой, тем меньше в нем того, чем можно быть довольным».

«Делай то, чего хочет от тебя твое тело: добивайся славы, почестей, богатства, и жизнь твоя будет адом. Делай то, что хочет от тебя дух, живущий в тебе: добивайся смирения, милосердия, любви, и тебе не нужно будет никакого рая. Рай будет в душе твоей».

«Гордость тем гадка, что люди гордятся тем, чего надо стыдиться: богатством, славой, почестями».

Я читал и ощущал, как внутри что-то шевелится. Не страх. Не радость. Скорее, познание. Каждая фраза была словно укол. Ничего лишнего. Никакой воды. Просто правда, упакованная в несколько слов.

Я, переверачивая страницу за страницей, заметил, что время перестало существовать. Исчез магазин, исчез столик, исчез гул за окном. Остались только я и эти строки.

И вдруг я наткнулся на одну.

«В мире легко жить согласно мирскому мнению, а в одиночестве легко следовать своему собственному; но счаст-

лив тот человек, который среди толпы живет так, как он в своем уединении решил, что надо жить человеку».

Вдруг что-то произошло. Слова на странице, вспыхнув, стали объёмными, живыми. Они вышли за пределы бумаги и вошли прямо в меня. Я почувствовал, как пол уходит из-под ног, как начинают двигаться стены. Голова закружилась, в ушах зашумело.

Я зажмурился. Открыв глаза, я увидел строки. Они были теми же, но светились, дрожали, дышали.

Я посмотрел по сторонам. Магазин был на месте. Игорь Семёнович сидел за прилавком, читал что-то своё. Всё как обычно.

Я снова посмотрел в книгу. Выделенные строки никуда не делись. Они были другими, не такими, как все. И в них был смысл, который касался лично меня.

Страх накрыл с головой. Что это? Почему это происходит? Может, я схожу с ума? Может, от стресса? Может, это галлюцинация?

Я резко и громко захлопнул книгу. .

Игорь Семёнович поднял глаза. Я посмотрел на него спокойно, без тревоги.

— Всё в порядке? — спросил он.

Я не ответил, встал, схватил рюкзак, оставив книгу на столе.

— Мне надо идти. — сказал я дрожащим голосом.

— Оставь книгу. Прочтёшь в следующий раз.

— Я... — я запнулся. Не знал, что сказать. Мне показалось, что слова вышли со страницы? Мне стало страшно? — Я забыл... Дома... Надо...

Не договорив, я развернулся и пошел к выходу. Рука дрожала, когда хваталась за латунную ручку двери.

— Максим! — окликнул Игорь Семёнович.

Я остановился, но не обернулся.

— Это не больно. — сказал старик тихо. — Наоборот.

Я бросился к выходу, не попрощавшись и не оглянувшись.

Просто бежал, вылетел из магазина, проскочил лестницу и вырвался на улицу.

Холодный воздух ударил в лицо. Я остановился, опёрся руками о колени, тяжело дыша. Сердце колотилось где-то в горле.

Что это было? Что со мной происходит?

Я поднял голову, посмотрел на тёмное, звёздное, равнодушное небо. Ответов не было. Странное чувство, что я переступил какую-то черту. И обратной дороги нет.

Глава 4. Курсив.

Улица. Февральский вечер обнимал тело холодом, но я почти не чувствовал его. Я быстро шагал, но не домой, а просто прочь: прочь от двери магазина, за которой осталась та странная пустота между мирами, прочь от ощущения, что страница книги вдруг стала ближе, чем собственная ладонь.

Что это было?

Вопрос вертелся в голове как застрявший комок в горле. Может, правда плохо стало? От усталости. От стресса. От того кофе — слишком крепкого для пустого желудка. Но когда

я вышел на улицу, сразу стало легче. Сердце билось ровно, и руки не тряслись. Не было ничего из признаков обморока или панической атаки. Только этот звон в ушах и ощущение, будто часть меня осталась там, между строк.

А слова Игоря Семёновича...

«Это не больно. Наоборот».

Что он имел в виду? Что «это»? Что «не больно»? Я прокручивал эту фразу снова и снова. Старик не спросил «ты как?», не предложил воды, не стал успокаивать. Он сказал что-то конкретное, как будто бы знал и ждал этого момента.

Между строк читалось «разгадай сам». Это мой ребус, а не его.

Я встал у остановки. В это время автобусы уже не ходили. Осталась только подсвеченная афиша на павильоне: улыбающаяся девушка рекламировала крем для лица. Я смотрел на неё и думал: сколько людей прошло мимо этой остановки сегодня? Сколько из них чувствовали то же самое: мир вдруг стал тоньше, прозрачнее, и сквозь него проступает что-то другое?

Никто. Никто, кроме меня.

И в этом одиночестве было что-то странное — не горькое, а, скорее, острое как первый глоток крепкого кофе. Неприятный, но пробуждающий.

Я не торопился домой, потому что знал, что там всем плевать. Мать спросит «Где был?» не из интереса, а потому, что так надо. Отец... Отец вообще не заметит моего отсутствия. Последний нормальный разговор с ним был очень давно, когда я принёс домой тройку по алгебре. Отец тогда ещё работал. Он сказал: «Ничего, сынок. Главное — здоровье» и похлопал меня по плечу. Через неделю его уволили с завода, и всё пошло наперекосяк.

«Его образ жизни оставляет желать лучшего» — думал я, переходя дорогу на красный свет. Машина притормозила, водитель крикнул что-то сквозь стекло, но я не услышал. Но на мать где-то в глубине ещё есть надежда.

Я усмехнулся самому себе. Надежда — слишком громкое слово для нашей квартиры. Там была не надежда, а привычка. Мать привыкла терпеть. Я привык молчать. Отец привык пить. Три слоя привычки, склеившиеся в один тяжёлый «пирог» жизни.

Школа? Плевать. Как-нибудь разрулится. Завуч вызовет,

отчитает. Дима будет смотреть с усмешкой. Катя напишет ещё одно сообщение про «контент». Как всегда. Только теперь это казалось не реальностью, а плохим сериалом, который я больше не хочу смотреть.

«Аж выворачивает» — подумал я. «Но переживу. Не в первый раз».

Квартира встретила знакомым запахом: перегар, дешёвый кофе, слишком сладкие для вечера духи матери. Из гостиной доносился голос диктора по телевизору. Отец смотрел новости или футбол, не улавливая смысл. Телевизор — его лучший собеседник последние годы.

— Где так долго? — спросила мать, не выходя из кухни и продолжая мыть посуду.

— Гулял.

— Холодно же.

— Нормально.

Она не спросила, был я в школе или нет. Не спросила, что у меня случилось. Она просто кивнула. Я увидел это краем глаза, проходя мимо кухонной двери. Её лицо было уставшим не от работы, а от жизни и от необходимости ежедневного выбора между сыном и мужем. И каждый раз она выбирала мужа, потому что так легче.

Я, пройдя в свою комнату, бросил рюкзак на стул и не стал переодеваться. Не пошёл на кухню есть. Голод отступил, его перебили мысли о магазине, о книге, о том, как слова вдруг стали «другими».

Решил, что в душ пойду утром. Хотя обычно так не делал — ненавидел ложиться спать в том же, в чём ходил весь день. Но сегодня было не до правил.

Выключил свет. Лёг на кровать поверх одеяла, закрыл глаза, но не мог уснуть. Мысли по кругу неслись одна за другой как волны, накатывающие на один и тот же камень. «Что это было? Почему именно эта строка? Почему я почувствовал её иначе? Что имел в виду Игорь Семёнович?»

Полночь. Два часа ночи. Четыре утра.

Я ворочался, вставал пить воду и смотрел в окно на тёмные окна соседних домов. Интересно, кто-то тоже не спал? Кто-то тоже лежал и думал о чём-то, что не укладывалось в голове?

Встав в пять утра, я умылся холодной водой и посмотрел на своё отражение в зеркале — бледное, с тёмными кругами под глазами. Но в глазах что-то изменилось. Не надежда, а

интерес, как будто в голове зажглась маленькая лампочка. Тусклая, но настоящая.

Я не пошёл в школу, решив сделать паузу пару дней. Слава богу, родителям никто не звонил: классный руководитель болела, завуч была занята комиссией. Мир продолжал вращаться, не замечая моего отсутствия. И это было... облегчением.

Мать ушла на работу в восемь. Отец спал: храпел в гостиной, раскинувшись на диване. Бутылки от вчерашнего вечера стояли в своём парадном строю у ножки дивана. Как всегда, ровно три штуки.

Я быстро поел без аппетита, но с пониманием: тело нужно кормить. Потом принял душ. Горячая вода стекала по спине, смывая остатки вчерашнего напряжения. Вытерся и причёсал чёрные с отросшими светлыми корнями волосы. «Непонятный цвет» — усмехнулся я, глядя в зеркало. Но сейчас это не бесило. Сегодня это был просто факт как цвет глаз или рост.

Настроение было другим, собранным. Как будто внутри что-то щёлкнуло на место.

«Хочу пойти в магазин, прочитать ту книгу до конца и

узнать, что имел в виду старик» — подумал я. Но страх остался. Не перед Игорем Семёновичем, а перед тем состоянием, когда мир отступает, а слова выходят вперёд. Что это? Галлюцинация? Приступ? Или что-то другое? То, о чём знал старик?

Гулять не хотелось, видеть людей — тем более. С ровесниками о таком не поговоришь. У них в голове своё кино: отношения, лайки, новые кроссовки. А я хотел спросить: «Ты когда-нибудь чувствовал, как книга вдруг становится живой?». Я знал ответ заранее: «Ты чё, наркошник?»

И тут я вспомнил. В гостиной, там, где отец обитал со своими бутылками, стоял старый шкаф. Не книжный, а просто шкаф, где вперемешку лежали посуда, тряпки и... книги. Я видел их краем глаза, проходя мимо. Потрёпанные, в пыли, с пожелтевшими страницами.

«Нужно проскочить туда». — решил я. «Максимально тихо, чтобы не разбудить отца и посмотреть, что там есть».

Я затаил дыхание у двери гостиной, откуда доносился ровный и глубокий храп. Отец спал мёртвым сном. Я сделал шаг, потом второй, третий.

Воздух в комнате был густым: перегар, пыль, запах невы-

того тела. Дышать было трудно, но я дошёл до шкафа и медленно открыл дверцу, чтобы она не скрипнула.

И увидел их.

Книги. Десятка два. Они лежали под чайными кружками рядом с тряпкой для пыли. Обложки потрескались, корешки потемнели. Кто-то давно, очень давно читал их.

Взгляд остановился на одной. Более целой, чем остальные. В тёмно-синем переплёте. Золотые буквы на корешке почти стёрлись, но можно было разобрать:

Братья Стругацкие. «Трудно быть богом».

Я, вытащив книгу, провёл пальцем по обложке. Никогда не слышал о такой ни в школе. Странное название. Трудно быть богом. Кому? Зачем?

Я закрыл дверцу шкафа и выскочил из гостиной как из пещеры с драконом. Только дракон был пьяным и спящим.

В своей комнате я сел на кровать, положил книгу на колени и открыл на первой странице.

Пролог. Рыжий Антон — учёный, историк, который живёт на другой планете. Называется Арканар. Средневековье.

Дикари, грязь, жестокость. А он человек из будущего, с Земли. Наблюдает, не может вмешиваться, не имеет права.

Сначала я читал медленно, вчитываясь в незнакомые имена. Потом быстрее. История затягивала.

Рыжий Антон смотрел, как убивают невинных, как лгут сильные, как слабые умирают под пытками. Он знал, что мог бы вмешаться, что его знания, его сила находятся выше. Но нельзя. Есть правила и закон. И он смотрел и молчал.

Я, переворачивая страницу за страницей, забыл про еду, про время, про отца за стеной.

Вот сцена, где Антон не выдержал и вмешался. Он убил своими руками, потому что больше не мог смотреть. А потом наступило наказание. Не внешнее, а внутреннее.

«Зло неустребимо. Никакой человек не способен уменьшить его количество в мире. Он может несколько улучшить свою собственную судьбу, но всегда за счет ухудшения судьбы других.»

Остановившись, я перечитал строки. За счет ухудшения судьбы других... Как отец? Уволили, и он перестал вмешиваться в свою жизнь, в жизнь сына, в жизнь жены. Просто

лёг на диван и лежит без благородной цели.

И тут мне попалась ещё одна фраза.

«Я сегодня чуть не застрелил своего палача. Я стоял в десяти шагах и смотрел, как он пытает человека. И я ничего не сделал. Ничего! Почему? Потому что не имел права? А кто мне дал право смотреть?»

Слова вспыхнули. Не резко и страшно, но неотвратимо.

Буквы остались теми же, но что-то внутри сместилось. Строка стала плотнее, теплее, ближе, как будто кто-то тихо сказал «Смотри. Это про тебя. Ты тоже видишь и молчишь. Каждый день. Каждый час».

Я замер. Сердце заколотилось, но не от страха, а от осознания.

«Я здоров, это не обморок. Это что-то другое. То же самое, что было в магазине. То же, что говорил старик».

Я закрыл книгу и положил её на колени. Сделал глубокий вдох. Выдох. Второй. Третий.

Так, нужно себя пересилить. Это же не смертельно, просто

интересно.

Я снова открыл книгу, нашёл ту строку, прочитал ещё раз медленно, вбирая каждое слово.

«Потому что не имел права? А кто мне дал право смотреть?»

И вдруг понял: это правда. Я всю жизнь видел и молчал. Видел, как отец пьёт, как мать терпит, как Дима унижает слабых, как одноклассники снимают чужую боль на телефон. И молчал.

«А что, если перестать молчать?» — мелькнуло в голове. *«Что, если не просто наблюдать со стороны?»*.

Я продолжил читать. Строчки по-особенному выделялись. Не везде, а только там, где слова касались моей собственной боли. Там, где Стругацкие описывали одиночество человека, который знает больше, чем может сказать. Там, где его ответственность и страх перед действием.

«Почему вы, хранители и единственные обладатели высокого знания, так безнадежно пассивны? <...> Почему вы отрываете смысл своей жизни — добывание знаний — от практических потребностей жизни борьбы против зла?»

«Психологически почти все они были рабами — рабами веры, рабами себе подобных, рабами страстишек, рабами корыстолюбия. И если волею судеб кто-нибудь рождался или становился господином, он не знал, что делать со своей свободой».

Я читал, и внутри меня что-то плавно и неотвратно менялось.

Эти герои, Антон, его коллеги, люди из будущего, были сильнее, умнее и образованнее меня, но они боялись того же, чего боялся я: сделать шаг, вмешаться, испортить. Только они боялись испортить историю, а я — свою жизнь.

«Ну и что?» — сказал я вслух. — «Испорчу, что дальше?».

В этот момент дверь комнаты открылась, и вошел отец в мятых штанах, босой, с красными глазами и щетиной на лице. От него пахло перегаром.

— Что ты там бубнишь? — спросил он хрипло, но не злобно, а устало.

— Книгу читаю. — ответил я, не пряча её.

Отец прищурился.

— Эту? — кивнул он на обложку. — Стругацких? Я её в своё время не дочитал, решил, что скучно.

— А сейчас?

— А сейчас поздно. — он замолчал и посмотрел на сына. Впервые за долгое время именно посмотрел, а не скользнул взглядом. — Ты на меня не смотри. Читай. Может, дочитаешь.

Он не спросил, почему я не в школе. Скорее всего, в днях запутался. Или ему правда было всё равно.

— Читай. — бросил он и поплёлся обратно в гостиную.

Диван заскрипел под его весом. Через минуту начался храп: сначала тихий, потом громче, с тем же проклятым свистом на выдохе.

Я, выдохнув, открыл книгу и продолжил читать. Так прошёл весь день.

Иногда я вставал попить воды перекусить хлебом с маслом, сходить в туалет, но всегда возвращался к книге. Курсив летел перед глазами словно маяки в тумане. Он будто

показывал «Смотри сюда. Это про тебя».

«У каждого из нас есть выбор между коммунаром и благородным ублюдком».

«Трудно быть богом? Бесконечно, ибо слаб человек и страстен.»

К вечеру я ощутил нечто новое. Спокойствие. Не радость, не счастье, а просто тишину внутри как после долгой бури: когда волны улеглись, и море стало гладким, тёмным, глубоким.

Я охотно поел, разогрев суп, который мать оставила на плите. Смотря в окно на закат, я не чувствовал тоски, я просто наблюдал картину.

Одна мысль не давала покоя: мне нужно к Игорю Семёновичу.

Не завтра и не сегодня. Должно пройти несколько дней. Мне нужно время, чтобы обдумать и набраться храбрости. Предстоял серьёзный разговор. Не «Здравствуйте! Как дела?», а «Что это было? Почему это со мной? Что вы имели в виду?».

Я знал, что старик ответит.

Я, закрыв книгу, аккуратно положил её на тумбочку, встал и подошёл к окну.

За окном темное небо февральского вечера, огни машин на дороге, свет в окнах соседних домов.

И впервые за долгое время я не чувствовал себя чужим в этом мире. Я ощущал себя... участником. Маленьким. Неуверенным. Но участником.

Где-то там, на втором этаже торгового центра, за тёплым жёлтым светом, стоял человек, который знал об этом.

Глава 5. Правила.

Прошло пять или шесть дней. Я сбился со счёта. Всё это время я не мог заставить себя пойти в торговый центр к Игорю Семёновичу. Каждый раз, когда мысль об этом возникала в голове, внутри включался какой-то тормоз. Глухой, вязкий, необъяснимый страх.

Хотя общее состояние было другим. Я бы даже назвал его хорошим.

Читая книгу, я стал спокойнее. Исчезла постоянная дрожь внутри, которая жила там годами. Исчезло ощущение, что сейчас что-то случится, что кто-то подойдёт, ударит, унизит. Появилась лёгкая, почти незаметная уверенность. Я не понимал, откуда она берётся, но чувствовал её.

Я пошёл в школу без страха. Просто шёл и шёл. Плевать на Диму, плевать на разговоры с завучем, плевать на всех, кто смотрит и обсуждает. У меня в голове был другой мир. Мир, где строчки в книгах вели себя как живые. Мир, где я мог быть собой.

Дима, конечно, косился на меня. Я ловил его взгляд в коридоре, в столовой, на переменах, и в нём было что-то новое. Не злость, не насмешка, скорее, недоумение. Он не понимал, почему я не сломался, почему хожу с прямой спиной, почему не прячу глаза. Наверное, разговор с Марией Игнатьевной подействовал, но я знал, что это ненадолго. Такие, как Дима, не успокаиваются. Они просто ждут подходящего момента.

На уроках литературы со мной произошло нечто странное. Я стал внимательно и с интересом слушать. То, что раньше казалось нудной обязателькой, вдруг обрело смысл. Преподавательница, пожилая женщина с седыми волосами и усталыми глазами, читала лекции о классиках, а я сидел и ловил каждое слово. Она говорила о Достоевском, о Пушки-

не, а я думал о том, что можно найти в их строках.

Дома тоже всё было спокойно, по накатанному сценарию, без сбоев. Отец находился в горизонтальном положении большую часть времени: лежал на диване, смотрел в телевизор или просто в потолок. На удивление, он не цеплялся ко мне. Даже когда я проходил мимо, он не поворачивал головы. Мать была либо на работе, либо на кухне, либо в кровати. Чисто фоновый режим. Автопилот. Я перестал ждать от них чего-то другого, и от этого стало легче.

Условия для уединения были идеальные.

Я сидел в своей комнате, читал и иногда ловил себя на мысли: вот бы было тепло. Вот бы взять книгу, уйти в парк, найти там скамейку в тихом уголке, с хорошим видом на деревья или пруд. Сидеть, читать, дышать свежим воздухом. Красота. Я представил это так ярко, что даже почувствовал запах весенней листвы. Потеплеет, и я обязательно буду так делать. Но сначала нужно было обдумать другой вопрос.

Я решил, когда дочитаю Стругацких, сразу пойду к Игорю Семёновичу и узнаю, что со мной происходит. Это была отмазка, которую я сам для себя придумал, чтобы оттянуть время, потому что идти было страшно.

Я не мог объяснить, чего я боялся. Наверное, неизвестности. Я не знал, что он скажет, как реагировать, что с этим делать дальше. Но бросить читать уже не мог. Наоборот, мысли о книгах затягивали всё сильнее. Они показывали мне ситуации, похожие на мои, и от этого я начинал думать, анализировать, проводить параллели между героем и собой. Это было что-то новое и важное.

Прошло 2 недели. Книгу я давно дочитал, но не решался идти. Я ощущал дрожь в коленях, когда думал о том, что это нужно сделать как перед выступлением перед всей школой. Только хуже, потому что перед школой я знал, чего ждать, а тут полная неизвестность.

Наконец я собрался. Завтра после школы пойду. Точка.

Эта ночь была тяжёлой, я почти не спал. Ворочался, смотрел в потолок, думал. Мысли крутились вокруг одного: а вдруг я больной? Вдруг со мной что-то не так? Вдруг это галлюцинации? Или, того хуже, шизофрения? Вдруг меня закроют в психушку, если я начну об этом говорить?

Страх накручивал сам себя. Я представлял белые халаты, закрытые двери, таблетки, которые делают человека овощем. Представлял, как мать приходит в больницу и смотрит на меня сквозь стекло, а отец даже не навещает, как всё заканчи-

вается...

К утру я был вымотан, но когда проснулся, почувствовал странную бодрость. Решение принято. Сегодня. Если я больной, значит, буду решать этот вопрос. Если нет, то узнаю правду. В любом случае, лучше знать, чем трястись в неизвестности.

День в школе пролетел как один миг. Физически я был там, моё тело сидело за партой, отвечало на вопросы, переворачивало страницы тетрадей. А мысли были в магазине: я прокручивал разговор с Игорем Семёновичем, репетировал слова, представлял его реакцию, проигрывал разные варианты.

Прозвенел звонок. Я вылетел из школы быстрее, чем когда-либо.

На улице я почти бежал, чтобы не успеть передумать и не дать страху снова взять верх. Ноги сами несли меня в сторону «Мегаполиса».

В торговый центр я влетел, как будто за мной гнались, проскочил мимо охранника, витрин, людей с пакетами. На эскалаторе я прыгнул на ступеньку, но не стал ждать и побежал, перепрыгивая их.

Наверху остановился, перевёл дыхание. Сердце колотилось где-то в горле.

Я пошёл медленно к магазину, чтобы отдышаться и унять дрожь в руках.

Я взялся за латунную и холодную ручку двери. В этот момент ноги стали ватными, и слабость прошла по всему телу.

Я толкнул дверь.

Атмосфера ударила сразу. Та же, что и в прошлый раз. Тишина. Запах старых книг и кофе. Мягкий свет. Я сделал шаг, затем другой и посмотрел в сторону прилавка.

Игорь Семёнович сидел на своём обычном месте и читал книгу. Он не сразу заметил меня. Я стоял и смотрел на него, собираясь с духом.

Глубокий вдох. Выдох.

— Здравствуйте. — сказал я. Голос прозвучал тише, чем я хотел.

Он медленно поднял глаза и посмотрел на меня своим

долгим, внимательным взглядом.

— Здравствуй, Максим.

Я замер. Он помнит моё имя.

И тут меня прорвало. Слова выскочили раньше, чем я успел их обдумать.

— Это не больно? Наоборот?

Игорь Семёнович на секунду замер. Переспросил:

— Что «не больно, наоборот»?

Я понял, что сморозил глупость. Но отступить было некогда.

— Ну... вы тогда сказали. В прошлый раз. Что «это не больно, наоборот». Я не понял тогда. А теперь... Теперь мне кажется, что я начинаю понимать. Но не до конца. И я... Я испугался, поэтому не приходил. Думал, может, я больной. Может, со мной что-то не так.

Игорь Семёнович слушал, не перебивая. Потом на его лице появилась лёгкая улыбка. Он, отложив книгу, встал.

— Ааа. — протянул он. — Ты об этом. Помню, помню.

Он обошёл прилавок и направился к кофейной стойке.

— Сейчас я тебе сделаю кофе, и мы поговорим. Кофе за счёт магазина. Я угощаю.

Я хотел возразить, но он уже включил кофемашину. Я просто стоял и смотрел, как он ловко управляет с рычагами, как пар вырывается из носика, как капли кофе падают в чашку.

Через минуту мы сидели за маленьким столиком рядом с прилавком. Передо мной стояла чашка. Горячий, горьковатый запах поднимался к лицу.

— Ну рассказывай. — сказал Игорь Семёнович. — Что видел?

Я растерялся.

— Когда?

— В прошлый раз. Когда убежал.

Я понял, что выгляжу глупо. Но уже начал говорить, и останавливаться было нельзя.

— Буквы. — выпалил я. — Они... как живые. Другим шрифтом. Не такими, как все. И строчки выделяются. Те, которые... которые про меня. Про то, что со мной происходит.

Я замолчал, ожидая реакции.

Игорь Семёнович смотрел на меня спокойно, без удивления, без страха. Как будто я сказал что-то совершенно обыденное.

— Я так и думал. — произнёс он мягко и уверенно. — Это курсив.

— Курсив?

— Да. То, что ты видел. Выделенные строчки, набранные курсивом. Они действительно про тебя. Про то, что тебя волнует, про твои вопросы, про твою боль.

Я смотрел на него, пытаюсь переварить услышанное.

— Всё верно? — спросил он. — Ты видел строчки, кото-

рые касаются тебя?

— Да. — ответил я. А сам думал: «Что будет дальше? Сейчас он скажет что-то страшное? Или придётся бежать?».

— Я тебя поздравляю, Максим. — сказал Игорь Семёнович. — Это твой дар, который доступен немногим.

Я выдохнул. Слава Богу. Хотя бы не больной. При этом легче не стало. Я всё ещё не мог расслабиться. Сидел на краешке стула, сжимал руками чашку, боялся пошевелиться.

— То есть... Я не больной? — переспросил я, чтобы убедиться.

— Это не болезнь. — твёрдо сказал Игорь Семёнович. — Это редкий дар.

Не каждый читатель удостоивается такого внимания — видеть в книге ответы, слышать, что она тебе говорит, понимать, что выделено именно для тебя. Книга заметила тебя, Максим.

— Книга... заметила? — повторил я. Странно звучало, но в то же время правильно.

— Да. Она выбрала тебя как собеседника, того, кто готов

слушать.

Я молча обдумывал услышанное, а потом рассказал всё: про книгу Стругацких, которую читал дома, про то, что там было то же самое, про строчки, которые выделялись и били прямо в цель, про страх, который не давал мне прийти, про ночи без сна, про мысли о психушке.

Игорь Семёнович слушал, кивал, иногда задавал уточняющие вопросы. А когда я закончил, он сказал:

— Всё нормально. Всё правильно. Твоя реакция нормальна. Страх нормален. Неизвестность пугает, но теперь ты знаешь. Тебе осталось только принять это.

Он сделал паузу и посмотрел мне прямо в глаза.

— Но есть одно условие. К этому дару нельзя относиться безответственно. Ты должен понять, что это не игрушка и не развлечение, а серьёзный инструмент. Иногда опасный.

Я замер.

— Тебе нужно определиться. — продолжил он. — Если ты боишься, то брось. Прямо сейчас. Забудь про этот магазин, про курсив. Живи как жил, и ничего не будет. Дар уйдёт

к другому.

— А если не брошу?

— Тогда готовься. Это требует сил, дисциплины, уверенности в себе. Ты будешь видеть то, что другие не видят. Ты будешь понимать то, что другие не понимают. Это может быть тяжело. Иногда одиноко, но это того стоит.

Я сидел и думал. Секунду. Две. Три.

— Я буду читать. — сказал я, удивившись, как быстро вылетело решение, и как уверенно оно прозвучало.

Игорь Семёнович улыбнулся.

— Правильный выбор.

— Мне это уже помогает. — добавил я. — Я стал спокойнее. Мне стало плевать на окружающих. Ну, не совсем плевать. Но раньше была тревога. Стадное мышление говорит, что должны быть друзья, компания, а у меня никого нет. И это давило раньше. А сейчас... Сейчас я не чувствую этого давления. Мне стало хорошо одному с книгами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.